

Снаружи вовсю лил проливной дождь. Зонт, который Цзин Цэнь сжимал в руке, потерялся неизвестно когда. Он бежал, движимый лишь инстинктами. Никогда еще он не был в таком жалком состоянии: весь в грязи, брюки насквозь промокли от брызг. Но останавливаться было нельзя. Поначалу, ориентируясь на подсказки амулета обнаружения в ладони, ему удавалось уходить от жителей деревни, но он и представить не мог, что став призраками, те станут настолько проворными. Их скорость оказалась куда выше прежней. Когда он, почуяв опасность, успел отскочить в сторону, его от преследователей отделял всего один переулок. Прислушиваясь к стуку палок о землю и к тому, как они выкрикивают его имя, Цзин Цэнь глубоко вздохнул и продолжил бежать в сторону востока. Он уже обежал почти всю деревню и теперь не знал, куда податься, поэтому, стиснув зубы, решил прорываться к дому старосты, где уже бывал раньше. Оставалось надеяться, что эта нежить, увидев жилище старосты, проявит хоть какое-то подобие сдержанности. Прижавшись к стене, он дождался, пока стихнут шаги поблизости, и, крепко сжав в руке амулет, бросился вперед. Наконец, когда до дома старосты оставалось совсем немного, Цзин Цэнь невольно выдохнул с облегчением. Однако в этот самый момент, посреди грозовой ночи, от амулета в его ладони вдруг повеяло таким жутким холодом, словно там растаял кусок льда. Это было куда сильнее, чем во все предыдущие разы, когда жители деревни оказывались рядом. Цзин Цэнь настороженно остановился и огляделся. И тут его ослепил свет свечи. Он распахнул глаза и увидел, что жители деревни, которых он до этого не замечал в переулках, стоят прямо перед домом старосты. В душе он выругался, и, чувствуя, как ладонь пронзает леденящий холод, развернулся, чтобы бежать обратно в переулок. Но едва он повернул голову, как вспыхнула молния, и он увидел, что из того же переулка, по которому он только что прошел, тоже выходят люди. Это был тот самый житель, что приносил ему еду. Он в упор смотрел на Цзин Цэня, и его пустые штанины, колышущиеся в ночи, выглядели пугающе.

— Ты потерял благовония для питания души? — вдруг спросил он, подняв голову.

Цзин Цэнь никогда не вглядывался в лицо под широкополой шляпой, но сейчас, застигнутый врасплох, он увидел нечто невероятное: лицо было наполовину человеческим, наполовину лисьим. Оскаленная, жуткая лисья морда с одной стороны и застывшая, мертвенно-бледная человеческая маска с другой. Совсем как у статуи божества, которую он видел днем! Сердце Цзин Цэня едва не остановилось. Жители деревни, окружившие его в переулке, заставили его отступать, а улыбка на лице того, что держал свечу у дома старосты, становилась все шире. Покрытая шерстью лисья сторона выглядела до невозможного зловеще. В этот миг ему показалось, что все они смотрят только на него.

— Попался.

У Цзин Цэня запульсировала вена на лбу, его охватило отчаяние. С того момента, как дух за его спиной сказал продержаться ночь, прошел всего час, а его уже поймали. Что делать? Выживет ли он? Нашел ли дух истинное воплощение статуи? Взгляды, которыми одаривали его жители деревни, пробирали до костей — они смотрели на него как на кусок мяса. Руки и ноги Цзин Цэня одеревенели, ладонь нестерпимо мерзла. Его загнали в угол, расстояние до обеих групп жителей деревни сократилось до десяти метров. В небе снова сверкнула молния, осветив их чудовищные, искаженные лица. Цзин Цэнь крепко сжал деревянную палку, подобранную в суматохе, его мысли путались, но он решился на отчаянный бой. В этот момент житель, подошедший к нему вплотную, внезапно замер. Занесенная над шеей Цзин Цэня мотыга остановилась в воздухе, словно чья-то невидимая рука удержала ее. Цзин Цэнь никогда еще не

был так близок к смерти, в ноздри бил запах крови. Увидев, что преследователи замерли, он опешил. Окружавшие его люди, один за другим поднявшие мотыги, теперь словно были связаны невидимыми нитями. Они могли лишь широко открытыми глазами свирепо смотреть на него, но не могли сделать ни шага вперед. Эмоции Цзин Цэня сменялись с невероятной скоростью: секунду назад он был уверен, что умрет, а теперь, вопреки всему, остался жив. Он машинально посмотрел на свою ладонь. Неужели... дух нашел истинное воплощение статуи?

...Выкопав ларец, Цзи Юй склонил голову и открыл деревянную коробку, спрятанную под корнями дерева. Внутри, в старинной шкатулке с резными узорами, лежала фигурка человеколицей лисицы размером с ладонь. Сейчас она смотрела на него своими свирепыми зверскими глазами.

— Настоящая, — Цзи Юй, чье свадебное одеяние развевалось на ветру, слегка приподнял уголки губ.

Когда статуя одарила его полным ненависти взглядом, он, не колеблясь, взял ее в руки. В тот миг, когда его длинные ногти коснулись фигурки, та вдруг издала холодный смешок.

— Значит, слабость заключается в истинном воплощении? — задумчиво произнес Цзи Юй.

Он чувствовал, что эта человеколицая лисица обладает силой, равной его собственной, а возможно, даже превосходит ее. Но поскольку ее слабость крылась в этом воплощении, а Цзи Юй заставил ее рассеять свою злобу на множество подобий для погони за Цзин Цэнем, сейчас она оказалась в уязвимом положении.

<http://bllate.org/book/19128/1878701>